

К. ЧУКОВСКИЙ

Анне Ахматовой: приветственное слово

Если бы вдруг на земле исчезло каким-нибудь чудом все со-творенное русской культурой, а остались бы только стихи, со-зданные великими русскими лириками — Батюшковым, Бора-тынским, Некрасовым, Тютчевым, Фетом, Блоком — мы и тогда знали бы, что русский народ гениален и что сказочно бо-гат наш язык, обладающий бесчисленными словесными краска-ми для изображения сложнейших и тончайших человеческих чувств.

И теперь, когда вместе с другими почитателями Анны Ахма-товой я праздную светлый ее юбилей, во мне с утра до вечера особенно громко и неотступно звучат ее классически четкие, прозрачные строки, созданные ею за полвека мудрой работы над словом. Любить ее поэзию я привык с давних пор, и она давно уже сопутствует мне на всех путях и перепутьях моей жизни.

Переживая молодую стихийную радость при первом дунове-нии еще далекой весны, я не могу не вторить вслед за Анной Ахматовой:

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

А в лютую стужу в морозном Ленинграде, увидя на улице пламя костров, я не могу не сказать о них словами Ахматовой:

И малиновые костры,
Словно розы в снегу цветут.

Вообще весь Ленинград — со всеми своими площадями, каналами, реками — так тесно сжился в моей памяти со стихами Ахматовой, что для меня, как и для многих читателей, Ленинград неотделим от нее. Для меня прямо-таки немислимо бродить по его паркам и улицам и не вспоминать драгоценных ахматовских строк:

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

Прощаясь с Ленинградом, быть может, навеки, Анна Ахматова имела гордое право сказать городу, воспетому ею:

Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом поле,
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвьем братских могил.

Стихи у нее кованые, сработанные раз навсегда. Когда появились первые ее книжки, меня, я помню, больше всего поразила именно эта конкретность, предметность ее поэтической речи, осязаемость всех ее зорко подмеченных и искусно очерченных образов.

Ее образы никогда не жили своей собственной жизнью, а всегда неизменно служили раскрытию лирических переживаний поэта, его радостей, скорбей и тревог. Немногословно и сдержанно выражала она все эти чувства. Благородный лаконизм ее стиля сближает ее с Боратынским и Тютчевым. Один какой-нибудь еле заметный микроскопический образ так насыщен у нее большими эмоциями, что он один заменяет собою десятки патетических строк.

В сущности, ее стихотворения очень часто бывают новеллами, повестями, рассказами со сложным и емким сюжетом, который приоткрывается для нас на минуту одним каким-нибудь намеком, одним многоговорящим незабываемым образом.

Ее стихи о канатной плясунье, о рыбаке, в которого влюбилась продавщица хамсы, о женщине, бросившейся в замерзающий пруд, все это сложные рассказы, сгущенные в тысячу раз и каким-то образом преображенные в лирику.

Этот лаконизм поэтической речи, эта конкретность, осязаемость, вещественность образов, это пристрастие к четкому, чеканному образу, эта непростая простота языка, доступная лишь большим мастерам, — все это резко отличало Ахматову от поэтов предыдущей эпохи, которые тяготели к расплывчатым символам, к туманным и зыбким абстракциям. Ахматова вернула поэзию к пушкински ясному видению мира, преодолев туманы, миражи и марева поэтов предыдущей эпохи. Поэтому в первые десятилетия нашего века ее поэзию встретили так радушно и радостно.

В начале ее творческой жизни ее огромный музыкально-лирический дар сказался главным образом в любовных стихах, посвященных томлениям, мукам, безумствам, радостям и тревогам любви. Здесь власть ее лирики была беспредельна. Молодежь двух или трех поколений влюблялась, так сказать, под аккомпанемент стихотворений Ахматовой, находя в них воплощение своих собственных чувств. Эти стихи Ахматовой принято, по непонятной причине, называть интимными, камерными, как будто любовь не всечеловеческое, не всенародное чувство, как будто существуют сердца, не захваченные ею, неподвластные ей. Сквозь все любовные стихотворения Ахматовой проходит мечта о любви как о чистом, возвышенном чувстве:

Ведь где-то есть простая жизнь и свет
Прозрачный, теплый и веселый.
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

И всегда ее поэзия питалась — даже в первоначальных стихах — чувством родины, болью о родине, мечтою о том, —

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Эта тема звучит в ее поэзии все громче, так как Анна Ахматова давно уже встала лицом к лицу с широкими, громадными, вселенскими темами, к которым привела ее мировая история. О чем бы она ни писала, всегда в ее стихах ощущается упорная дума об исторических судьбах страны, с которой она связана всеми корнями своего существа. Ей не нужно было ничего забывать, ни от чего отрекаться, ей не приходилось преодолевать в себе какие-нибудь закоренелые навыки, чтобы во время войны, в самое мрачное время кровавого разгула врагов, создать с обычным своим лаконизмом бодрящие и вдохновляющие строки:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Торжественные, величавые строки, которые могли зародиться лишь в торжественной и величавой душе.

Я познакомился с Анной Ахматовой в 1912 году — больше полувека назад. Помню ее тоненькой, похожей на робкую девочку, и могу засвидетельствовать, что уже тогда, в годы ее первых стихов, во всем ее облике была величавость.

И сейчас — через горы времени — я хотел бы собрать всю свою задушевность и нежность, всю свою способность любить, благодарить, восхищаться, чтобы всенародно приветствовать Анну Андреевну и громко во весь голос сказать ей, как гордимся мы ею, как мы счастливы, что она среди нас.

